

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

В раннем творчестве М. Цветаевой особой эстетической значимостью наделяются лексемы *золотой, детский, вечерний* (47, 45 и 25 словоупотреблений). Их смысловый объем формируется под воздействием как лингвистического контекста (бинарное сочетание), так и идейно-художественного контекста (соотнесенность с идеей и образной структурой одного стихотворения или цикла). Существенность этих лексем подкрепляется наличием родственных прилагательных *недетский бред, золотистый веночек, предвечерний час, невечерние дни; полудетский лик, невинно-детский мирок, золотенький куполок, бочок* и нестандартной грамматической формы: *тень золоче*.

Немаловажность прилагательного *детский* для поэтического мира М. Цветаевой можно раскрыть на примере стихотворения “Курлык”. В первой и второй строфах юный поэт пытается дать определение детству через качественные прилагательные: *Детство: одно непонятое слово, / Милое слово “курлык”;* *И задрожешь, и заплачешь под слово, / Глубое слово “курлык”*, но добрые воспоминания об этой поре взросления вместе с обобщенными радостными ассоциациями приходят только с лексемой *детский*, размещенной в заключительной строке: *Все воскресает под милое слово, / Детское слово “курлык”*.

Ключевые прилагательные появляются в первых произведениях и наращивают свой семантический объем на протяжении всего раннего творчества М. Цветаевой, взаимодействуя не только с ближайшим окружением, но и друг с другом. Поэт настойчиво объединяет в одном контексте прилагательные *детский* и *золотой*, пользуясь их способностью к окачествлению. В результате формируется положительно окрашенный образ детства. Об этом свидетельствует, например, композиционная структура стихотворения “Книги в красном переплете”. Начиная строкой *Из рая детского житья...*, текст заканчивается строфой, в которой благодаря лексическому повтору ключевого слова, синтаксическому параллелизму, восторженной восклицательной интонации высвечивается идея произведения и авторские эмоции: *О золотые времена, / Где взор смелей и сердце чище! // О золотые имена: Гекк Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!* В цикле стихов “Ока” актуальные смыслы окачествленных прилагательных *золотой* и *детский* вновь пересекаются, чем закрепляется положи-

тельная окрашенность прилагательных и подчеркивается постоянство авторской позиции: *золотые деньки* – это *доброе, старое, детское время*, это безвозвратное *минувшее, утраченный рай*, в котором царили волшебство, игра, фантазия и индивидуальное для М. Цветаевой *к взрослому миру презренью*.

Прилагательные *вечерний* и *золотой* также взаимодействуют в одном контексте: *День августовский тихо таял / В вечерней золотой пыли*. Здесь, безусловно, имеется переключка с ахматовскими строками: *Проводила друга до передней. // Постояла в золотой пыли. // С колоколенки соседней / Звуки важные текли*, так как оба произведения раскрывают трагизм ситуации прощания с дорогим человеком, к тому же цветаевское заканчивается так: *И, кажется, уже не пели / Колокола*. Если учесть, что первый сборник стихов А. Ахматовой назывался “Вечер”, то интертекстуальность строк становится еще более очевидной.

Относительные по происхождению прилагательные нередко становятся у М. Цветаевой ключевыми для циклов стихов. Например, в “Стихах о Москве” незаменима лексема *колокольный* (*звон, грам, дождь, семимилье, земля московская*), потому что с ее помощью формируется звуковой компонент образа православной Москвы, неотъемлемый атрибут которой в сознании поэта – звучание колоколов, воплощающих собой сердце родного города (в то время как Москва – сердце России). Не случайно первое стихотворение из цикла “Ахматовой” заканчивается так: *И я дарю тебе свой колокольный град, / – Ахматова! – и сердце свое в придачу*. Цветаевские “Стихи к Блоку” немислимы без прилагательных *снеговой* (*риза, певец, тишь*), *вечерний* (*свет, снег, красота*), *восковой* (*святой лик, три огня, три свечи*). Интересно, что лексемы *вечерний* и *восковой*, получая авторскую интерпретацию, вступают здесь друг с другом в отношения антонимии. Лирическая героиня не так, как все, прощается с поэтом, у нее особый ритуал почитания *снегового певца*: *Восковому святому лику / Только издали поклонюсь. // И, под медленным снегом стоя, / Опицусь на колени в снег, / И во имя твое святое, / Поцелую вечерний снег*. Ключевое слово *вечерний* получает семантическую поддержку другого слова-ключа (*снеговой*), попав в одно сочетание с его мотивирующим существительным. Оно также связано с производными от слова *свет*, поскольку употреблялось до этого в сочетании с ним. Под воздействием качественного значения ‘мертвый’ прилагательного *восковой*, закрепленного языковой системой, в лексеме *вечерний* развивается окказиональное значение ‘живой’, отвечающее намерению автора отобразить нюансы в обрисовке образа и по-своему его осмыслить. Слово *вечерний* становится постоянным спутником темы вечности, бессмертия души, ведь вечер – это преддверие ночи, а значит, по М. Цветаевой, предвкушение истинной жизни. Противопоставление, начинающееся с третьего стихотворения цикла, актуализируется в шестом, где относительное прилагательное попадает в рифму с оценочным качественным: *Он на закате дня / Пел красоту вечернюю. // Три восковых огня / Треплются, лицемерные*. Контраст усиливает смысловую взаимозависимость слов и ярче передает чувство боли и возмущение лирической героини: *Три восковых свечи – Солнцу-то! Светноснаму!*